

УДК 371

Соколов А.С.

старший преподаватель

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
Республика Беларусь, г. Гомель

К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ КОММЕМОРАЦИИ ЖЕРТВ ПОЛЬСКОГО ПОВСТАНЧЕСКОГО ТЕРРОРА В ХОДЕ ВОССТАНИЯ 1863–1864 ГОДОВ И ГЕРОЕВ БЕЛОРУССКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ

Аннотация: в статье обсуждается необходимость закрепления в исторической памяти деятельности белорусских крестьянских отрядов самообороны в ходе польского восстания 1863-1864 гг., поражение которого создало условия для формирования белорусского национального самосознания и появления белорусского этноса. Также необходимым является увековечивание памяти жертв польского повстанческого террора на белорусских землях.

Ключевые слова: Январское восстание 1863–1864 гг., сельские караулы, крестьяне, повстанческий террор, жертвы польского восстания, белорусские герои, историческая память.

Sokolov A.S.

Senior Lecturer

F. Skorina Gomel State University,
Belarus, Gomel

TO THE QUESTION OF THE RELEVANCE OF COMMEMORATION OF POLISH INSURGENT TERROR VICTIMS DURING THE UPRISING OF 1863–1864 AND THE HEROES OF BELARUSIAN RESISTANCE

Abstract: the article discusses the need to consolidate in historical memory the activities of Belarusian peasant self-defense units during the Polish uprising of 1863-1864, the defeat of which created the conditions for the formation of Belarusian national identity and the appearance of Belarusian ethnic group. It is also necessary to perpetuate the memory of Polish rebel terror victims on Belarusian lands.

Keywords: January uprising 1863–1864, rural guards, peasants, insurgent terror, Polish uprising victims, Belarusian heroes, historical memory.

Коммеморация представляет собой одну из форм визуализации исторической памяти, совокупность публичных коллективных практик, направленных на формирование ценностей и моделей поведения через ритуально оформленное удержание и воспроизведение

(повторение) в актуальной культуре значимых для группы, символически выраженных представлений о прошлом [1, с. 162].

Польское восстание 1893–1864 гг. принадлежит к наиболее мифологизированным событиям белорусской истории. Националистическая пропаганда 1990-х годов создала культ данного события и одного из его руководителей Винцента Калиновского, предлагая последнего (под придуманным в конце 1910-х – начале 1920-х гг. именем «Кастусь») белорусскому обществу в качестве «главного белорусского героя», несмотря на то, что одним из основных составляющих его деятельности был террор против белорусских крестьян, жертвами которого стали сотни человек. Такой парадокс объясняется тем, что в системе ценностей сторонников современного белорусского национализма (как и многих других на постсоветском пространстве) такой критерий, как антироссийская деятельность, преобладает над любыми другими критериями, в том числе последствиями этой деятельности для собственного народа. Такая ситуация стала возможной вследствие широкомасштабной деятельности в 1990-х гг. многих тысяч неправительственных организаций, финансируемых как напрямую правительствами ряда стран, так и десятками разнообразных квазиавтономных фондов и других организаций, представлявших существенную финансовую поддержку научной, общественной, литературной и другой деятельности на территории Белоруссии, однако лишь тем её представителям, деятельность которых соответствовала идеологическим установкам и нарративам (в первую очередь, антироссийским) финансирующих её структур. Вследствие этого, произошла своеобразная «селекция» историков и публицистов, поставленных перед выбором либо ориентироваться в своей деятельности на антироссийские установки фондов-доноров, получая существенные финансовые и организационные преимущества, либо оставаться без сторонней поддержки, что в условиях глубочайшего финансово-экономического кризиса рассматриваемого периода, означало существенное сокращение возможности полноценной научной и издательской деятельности.

В настоящее время белорусское общество постепенно преодолевает последствия такой ситуации, однако даже сейчас в большом числе случаев созданные в 1990-х гг. идеологические штампы о «белорусском восстании под руководством Кастуся Калиновского», «героях-повстанцах» и т.п. продолжают воспроизводиться, зачастую текстуально, в учебной, публицистической и даже научной литературе, в то время как белорусское крестьянское сопротивление польским повстанцам в ходе восстания 1863–1864 гг. до последнего времени практически игнорировалось белорусской исторической наукой. Ни деятельность отрядов белорусской самообороны – сельских караулов, ни численность жертв польского террора, её территориальные различия и обстоятельства убийств белорусских крестьян, мещан и священников, ни организация, деятельность и персональный состав польских жандармов-вешателей и кинжальщиков почти не рассматривались в научной, учебной и публицистической литературе, поскольку данная тематика не соответствовала политике, направленной на героизацию и «белоруссизацию» восстания и его участников, а также сложностями совмещения в публикациях утверждений о «борьбе повстанцев за суверенитет Белоруссии и защиту прав белорусского народа», «белорусском национальном характере восстания», «стремлении к национальному и социальному освобождению белорусов» и т.п. с описанием деятельности отрядов белорусских крестьян по борьбе с повстанцами и многочисленных казней и уничтожения имущества белорусов, не разделявших цели повстанцев.

Об отсутствии поддержки восстания среди населения западных губерний если и упоминалось, то вскользь, как исключение из общей тенденции. Участие «некоторого количества» крестьян в событиях восстания на стороне правительства объяснялось их «запуганностью», «восприимчивостью к правительственной агитации», «неспособностью разобраться в ситуации», то есть их личными отрицательными качествами. По этой причине большинство авторов прямо или косвенно оправдывали убийства белорусов, не считавших польских повстанцев выразителями своих интересов и боровшихся за сохранение законности и своё будущее в составе единого Отечества. По мнению этих авторов, белорусское население имело априорную обязанность поддерживать именно польскую сторону вне зависимости от их собственного взгляда на ситуацию. Поэтому, как ни парадоксально, но польские повстанцы боровшиеся восстановление Польши, в составе которой белорусов ждала полная ассимиляция (что и подтвердила польская политика в Западной Беларуси в 1920–1939 гг.), объявлялись «белорусскими национальными героями», а участники белорусского сопротивления, помогавшие российскому правительству бороться с восстанием, благодаря подавлению которого стало возможным возникновение белорусского самосознания и белорусского народа, а в конечном итоге, и появление независимой Белоруссии в 1991 г. – «предателями».

Даже польские крестьяне в Царстве Польском неохотно поддерживали повстанцев. В Северо-Западном крае эта поддержка была еще меньше. И совсем разочаровал повстанцев Юго-Западный край. Малороссийские крестьяне с удовольствием расправлялись с панами-повстанцами даже без помощи русских войск [2, с. 266].

Белорусские крестьяне стали создавать сельские караулы для защиты от поляков. Только в одном Бельском уезде Гродненской губернии к 3 октября 1863 г. был создан 21 сельский караул, каждый из которых насчитывал от 60 до 100 добровольцев (НИАБ в г. Гродно, ф. 974, оп. 1, д. 5, л. 37-38 об.), сотни белорусских добровольцев насчитывали сельские караулы и в других уездах (НИАБ, ф. 295, оп. 1, д. 1517а, л. 75-75 об.). С учётом того, что крестьяне участвовали в сельских караулах на основе постоянной ротации, общее число участников караулов в несколько раз превосходит численность этих караулов (как указано в приговоре одного из общих сходов сельских мирских обществ 1865 года в Кобринском уезде о представлении односельчан в наградам за помощь в подавлении восстания, «по рассмотрении именных списков крестьян, бывших в сельской страже, оказалось, что среди них нет таковых, которые бы находились в сей страже бессменно, так как в страже крестьяне находились по очереди» [3, с. 384]). Крестьяне-ополченцы нападали на отряды повстанцев, обороняли от них свои населённые пункты, захватывали и выдавали властям лиц, заподозренных в участии в восстании. Доля же крестьян среди участников восстания составляла не более 16 %, причём треть из них в Гродненской губернии, где проживала большая часть польского населения всех белорусских губерний, тогда как, к примеру, в Витебской губернии доля крестьян среди восставших была 7 %. Факты вооружённой борьбы белорусских крестьян с польскими повстанцами, их сотрудничества с властями в деле поимки сторонников восстания приводят и польские исследователи [4]. Зачастую инициатива борьбы с польскими повстанцами исходила «снизу», от самих крестьян, даже без какой-либо организационной или иной поддержки властей. Так, в Витебской губернии после известий о появлении отрядов польских повстанцев крестьяне начали устраивать погромы и поджоги имений польских помещиков, заподозренных в пособничестве повстанцев, а также успешные нападения на обнаруженные ими повстанческие отряды, в ходе которых захватывались пленные, передававшиеся затем властям [5, с. 84–85].

В архивах сохранились многочисленные списки белорусских крестьян, награждённых за помощь в подавлении восстания (НИАБ, ф. 27, оп. 1, д. 860, л. 34-34 об.; НИАБ, ф. 27, оп. 1, д. 860, л. 1-2; НИАБ, ф. 1430, оп. 1, д. 31663, л. 3-3 об.; НИАБ, ф. 1430, оп. 1, д. 31663, л. 16-17 об.; НИАБ, ф. 1430, оп. 1, д. 31663, л. 42-43). Наряду с белорусами сопротивление повстанцам оказывали и представители других национальностей – евреи, поляки и др. Так, среди награждённых медалями жителей Слонимского уезда за помощь в борьбе с мятежниками были «...еврей местечка Дзенциол (Дятлово – авт.) Израиль Слуцкий; крестьяне Михаил Воцко, Федор Казакевич; еврей Шлема Леветтеин; ... Войцех Босяцкий, Степан Игнатович, Юльян Бахур, Иван Ятчменя, Войцех Кулинич, Игнатий Шерко, Степан Шетович, Михаил Полонский, Алексей Трутенько, Фома Превлоцкий, ... еврей г. Слонима Гера Шиманский и Порозовский» [3, с. 395].

Отсутствие поддержки восстания среди населения белорусских губерний стало причиной того, что восставшие пополняли свои отряды, забирая в них людей силой, под угрозой смерти, с помощью шантажа или обмана, по причине чего «боевые качества повстанческих отрядов были чрезвычайно низкими. Очень редко им удавалось оказать серьёзное сопротивление царским войскам, и крестьянам-ополченцам. Почти всегда их заставляли врасплох и практически во всех случаях они разбежались, бросая оружие, обоз раненных и попадая десятками в плен» [6, с. 14]. Обещание помилования простолюдинам, сдавшим оружие, привело к массовому исходу из отрядов тех крестьян, которые были мобилизованы насильно или поддались повстанческой пропаганде [7, с. 37].

Ответом польских повстанцев на белорусское сопротивление стал жестокий террор с пытками и убийствами белорусских крестьян, священников и других лиц, отказавшихся присоединиться к восстанию, а также членов их семей. Сотни ни в чём не повинных людей были убиты, искалечены и часто с изуверской жестокостью. Среди убитых повстанцами мирных жителей оказались люди самых различных званий, национальностей, профессий. Их вешали, стреляли, забивали до смерти. Повстанцы грабили местечки, деревни, разоряли и поджигали церкви, жгли дома и целые поселения [8, с. 72].

Политику террора в отношении белорусских крестьян, обусловленную неудачами повстанцев в попытках склонить их на свою сторону, как ни странно, оправдывают некоторые белорусские же исследователи: «Горсточке отважных революционеров во главе с К. Калиновским не удалось поднять политически ещё незрелые крестьянские массы на организованную вооружённую борьбу против самодержавия», в связи с чем «революционный террор, провозглашавшийся прежде всего по отношению к дворянству, не исключался и по отношению к некоторым не осознающим своего долга перед обществом крестьянам» [9, с. 21]. Как мы видим, авторы оправдывают террор против белорусов тем, что они «не осознали своего долга перед обществом», то есть считают мнения и желания самих крестьян имеющими какое-либо значение, отказывая таким образом белорусским крестьянам в праве на собственную субъектность. Причём «долг перед обществом» крестьян второй половины XIX века обосновывается с позиции идеологических установок более поздних исторических периодов.

Многочисленные угрозы в адрес белорусов, сохранивших верность родной стране, содержатся в документах польских повстанцев. Примером может служить «Приказ правительства польского над всем краем литовским и белорусским к народу земли Литовской и Белорусской», изданный в Вильно в июне 1863 г., автором которого является Винцент Калиновский, содержит многочисленные угрозы расправой белорусам, поскольку они

поддержали российское правительство: *«Мужик будет нехороший – и мужика повесим, а усадьбы их и сёла обратятся в дым... Польское правительство спрашивает вас, по какому вы праву смели помогать москалю в нечистом деле?.. Кто хочет неволи московской – тому мы дадим виселицу на суку... Если поймаю кого в карауле или в милиции, то раньше или позже без лишних слов повесят... Кто этому приказу сопротивляться будет... – сообщать польскому правительству, чтоб можно было его потом повесить».* В этом же приказе о его адресатах – белорусах говорится: *«Вы сегодня глупые, как овцы... Над вами нет ещё милосердия божьего, потому что вы отступились от его истинной веры».*

В ещё одном документе – Приказе правительственного комиссара в Гродненском воеводстве (эту должность на момент выхода приказа занимал В. Калиновский) также прямо указывается, что *«Правительство Польское, поставив меня над вами, требует, чтобы я глядел за справедливой вольностью и правдой, и чтобы вы также делали так, как вас правительство Польское будет приказывать»* и содержатся угрозы в адрес белорусов: *«Кто будет с правительством Польским, тот получит землю на веки вечные и, если захочет, вернется к своей древней Униатской вере, а кто против правительства Польского, тому огонь и виселица».*

В отличие от публицистических пропагандистских текстов, издаваемых поляками с целью привлечь на свою сторону белорусских крестьян (серия листовок «Мужицкая правда», «Беседа старого деда», ««Предсмертный разговор отшельника Петра», «Кривда и правда» и др.), в которых рисуется идеалистическая картина счастливого будущего белорусских крестьян в составе единой Польши в атмосфере любви, уважения и заботы о них польских панов, которые относятся к белорусским крестьянам как отцы к детям, приведённые выше документы носят официальный характер и отражают реальное отношение руководителей восстания к белорусам. Да и в седьмом номере «Мужицкой правды», выпущенном в июне 1863 г., когда стало понятно, что белорусские крестьяне в большинстве своём выступили против восстания, в их адрес тоже появились угрозы убийствами и уничтожением имущества: *тех, кто «противился новой вольности и новому польскому манифесту, тех вешают как подлых собак, деревни их опустели, пошли дымом их хаты, пропало ни за грош добро».*

Задokumentированные случаи пыток и убийств белорусов, евреев и представителей других национальностей польскими повстанцами, сжигания ими населённых пунктов говорят о том, что эта практика вполне сопоставима со зверствами гитлеровских оккупантов на территории Беларуси во время Великой Отечественной войны. Так, например, отряд отставного штабс-ротмистра Казимира Нарбута отметился на Брестщине многочисленными безжалостными истязаниями плетьюми и убийствами белорусских крестьян, сжиганием их домов. 28 мая 1863 г. сельский сборщик податей из дер. Великорита был зверски избит нагайками и повешен возле волостного правления. Старшина правления Евдоким Хомичук получил 400 ударов плетьюми, крестьяне Иван Светюк и Иван Хапалюк – по 300 ударов. При этом хлеставшую из ран кровь каратели присыпали пеплом, чтобы не мешала им издеваться дальше. В дер. Новоселки Кобринского уезда были повешены волостной старшина Полетило, дьяк Александрович и лесной стражник Кузьмицкий [10, с. 25]. В августе 1863 г. отряд повстанцев поджёг с трёх сторон местечко Цехановец Бельского уезда Гродненской губернии, в результате сгорело 90 домов [11, с. 258]. В апреле 1863 г. была повешена крестьянка Анна Караванова, которая «была беременна, в момент повешения разрешилась от бремени, но мятежники имели жестокость оставить повешенным и младенца» [7, с. 35]. В апреле в Гродненской губернии были повешены 10 крестьян, а в июне каратели заживо сожгли

крестьянина Матвея Матыса [12, с. 35]. В мае-июле были публично убиты белорусские православные священники Даниил Конопасевич, Роман Рапацкий и Константин Прокопович, псаломщик Фёдор Юзефович, причём, как и гитлеровские оккупанты восемью десятилетиями позже, поляки в целях устрашения белорусского населения запрещали снимать с виселицы и хоронить убитых [8, с. 74, 76]. Десятки православных священников, членов их семей и прихожан подверглись пыткам и разорению имущества.

В ноябре 1863 г. утоплен в болоте Янкель Шер [13, с. 147]. Осенью в Ковенской губернии были повешены 11 крестьян-старообрядцев. На их мольбы о пощаде, каратели отвечали, что они считают их за добрых людей, работающих, но считают нужным казнить, потому что они русские. Перед убийством старообрядцы подверглись пыткам – у них на груди вырезали кожу в виде гвардейских лацканов [12, с. 36]. Некоторые польские отряды систематически вешали или убивали в каждой деревне определённое число крестьян только для внушения страха остальным [14, с. 370–371]. Активное участие в пытках и убийствах белорусов принимали польские католические ксёндзы. Так, в упоминавшемся выше убийстве православного священника К. Прокоповича принимали участие три ксёндза. На совести отряда ксендза Горбачевского только в Лидском уезде Виленской губернии, по меньшей мере, 3 убийства мирных обывателей, совершенных с изуверской жестокостью: перед тем как повесить крестьян, их пытали и выкололи глаза [15, с. 49]. Подобных примеров можно привести ещё множество.

К настоящему времени идентифицирована 451 жертва повстанцев [13], а общее их количество составляет по различным оценкам в районе 1000 человек (не считая жертв террора в Царстве Польском). В настоящее время под влиянием идеологического эха русофобской исторической политики 1990-х гг. в значительном числе случаев продолжают героизироваться польские повстанцы, осуществлявший террор в отношении белорусов, в то время как память о наших предках, как ставших жертвами террора, так и сражавшихся за свою Родину и будущее бок о бок с регулярными войсками, незаслуженно забыта. Такая ситуация представляется нам абсурдной.

Актуальной на сегодняшний день задачей в свете политики формирования исторической памяти на основе идеи народного единства является исследования деятельности белорусских отрядов крестьянской самообороны и популяризации этой информации. Их участники должны занять достойное место в исторической памяти народа в одном ряду с партизанами Великой Отечественной войны, белорусами-участниками Первой Мировой войны, ополченцами, сражавшимися с армией Наполеона, и другими героическими примерами борьбы белорусов за своё Отечество.

Память о жертвах террора повстанцев также не должна быть забыта и заслуживает быть увековеченной как в народном сознании, так и в мемориальных объектах, отражающих её уважение со стороны их потомков.

Библиографический список

1. Шуб М.Л. Феномен коммеморации: опыт культурологического анализа практик публичного поминовения (на примере наименования улиц Челябинска) / М.Л. Шуб // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15. № 2. С. 161—169.
2. Гронский А.Д. «Польский вопрос» глазами М.Н. Каткова и современность / А. Д. Гронский // Тетради по консерватизму. 2018. № 3. С. 261–273.

3. Черепица В.Н. Звенья цепи единой. Большие и малые события в истории Гродненщины XIX-XX столетий: монография / В.Н. Черепица. Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2009. – 607 с.
4. Kieniewicz S. Dereszewicze 1863 / S. Kieniewicz. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1986. – 191 s.
5. Бендин А. Ю. Польский мятеж 1863 г. в судьбах старообрядцев Северо-Западного края / А.Ю. Бендин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2011. № 1. С. 77–92.
6. Богданович А.И. Роль случайных людей в восстании 1863–1864 гг. на территории Беларуси // Наука, образование и культура. 2020. № 9. С. 9–15.
7. Дюков А.Р. «Кто против польского правительства, тому огонь и виселица». Повстанческий террор 1863–1864 гг. в Царстве Польском и Северо-Западном крае Российской империи / А.Р. Дюков // Белорусский исторический обзор. 2021. № 2 (5). С. 19–44.
8. Щеглов Г.Э. Мученики и мучители / Г.Э. Щеглов // Белорусская думка. № 5. 2013. С. 72–78.
9. К. Калиновский: из печатного и рукописного населения / сост. Р.П. Платонов, Н.С. Сташкевич, В.Ф. Шалькевич, А.Н. Гесь; Ин-т истории партии при ЦК КПБ. Минск: Беларусь, 1988. – 208 с.
10. Карпович О.В. Боевые действия в Брестском, Кобринском и Пружанском уездах в период восстания 1863–1864 годов / О.В. Карпович // Вестник Брест. гос. тех. ун-та. №6. 2014. С. 22–25.
11. Бендин А. Ю. Михаил Муравьев-Виленский: усмиритель и реформатор Северо-Западного края Российской империи / А.Ю. Бендин. М.: ММО «CISEMO», Книжный мир, 2017. 416 с.
12. Карпович О. В. Повстанческий террор в Царстве Польском и Литве в 1863 году / О.В. Карпович // Ученые записки Брестского гос. техн. ун-та: гуманитарные науки: сборник науч. тр. Брест: БрГТУ, 2021. Вып. 3. С. 27–39.
13. Дюков А.Р. Неизвестный Калиновский. Пропаганда ненависти и повстанческий террор на белорусских землях, 1862–1864 гг. / А.Р. Дюков. – 2-е изд., испр. и доп. М.: Фонд «Историческая память», 2021. 160 с.
14. Бухарин С.Н. Россия и Польша. Опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации / С.Н. Бухарин, Н.М. Ракитянский. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 944 с.
15. Бендин А. Ю. Власть и католическое духовенство Северо-Западного края в период восстания 1863 г. / А.Ю. Бендин // Россия и славянский мир в войнах и конфликтах XIX–XXI веков. Сборник статей. М.: Модест Колеров, 2018. С. 43–61.